

МОДЕРНИЗАЦИЯ ДО МОДЕРНИЗАЦИИ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДИФФУЗИИ (к постановке проблемы)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Несмотря на множество нюансов в понимании содержания, масштабов, механизмов процесса модернизации подавляющее большинство исследователей склонно рассматривать его как переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. При этом предполагается, что модернизация — это комплексный процесс, который постепенно охватывает все стороны общественной жизни: интеллектуальную, социальную, экономическую, политико-правовую, культурную и т.д. Мы разделяем подобное представление.

Сказанное, однако, не означает, что в рамках школы модернизации отсутствует интерес к эпохам, которые предшествовали процессам собственно модернизации. Напротив, подобный интерес живуч и объясняется широким признанием специалистами в различных областях знания (историками, антропологами, политологами, экономистами и т.д.) продолжающегося влияния на процессы модернизации институтов и ценностей, унаследованных от прошлого.

Попыткой объяснения подобного феномена является концепция *зависимости от пути развития* («*Path Dependence*») и «*западни*» («*Lock-in*»), получившая развитие в экономической теории и экономической истории. Данная концепция была сформулирована нобелевским лауреатом Д.Нортом, который писал: «Зависимость от пути свидетельствует о значении истории. Мы не сможем понять сегодняшние решения (и указать их место в современной экономической модели) без отслеживания постепенной эволюции их институтов. ... последовательные институциональные изменения, происходящие путем непрерывных маргинальных приспособлений... являются доминирующим путем, по которому движутся общества и экономика» [1].

Концепция зависимости от пути развития позволяет связать перспективу эволюционного отбора с перспективой институциональной преемственности, в определенной степени объясняет различия в эволюции обществ, долговременное сохранение неэффективных и субоптимальных экономических систем и институций, экономического поведения и технологий. Согласно данной концепции, направление развития является результатом инкрементальных перемен, определяющих от известной точки дальнейший ход событий. Предполагается, что даже после масштабных разрывов (революции, войны, природные катаклиз-

мы) сохраняется значимость традиционного институционального контекста, который обеспечивает преемственность развития. При этом концепцию зависимости от пути развития не следует сводить к телеологической схеме истории; она является лишь концептуальным средством для ограничения диапазона возможностей выбора и принятия решений во времени и не исключает самих этих возможностей.

Как пишет проф. Берлинского научного центра социальных исследований В.Цапф, концепты зависимости пути и «lock-in» свидетельствуют, «что успешно модернизирующиеся общества находятся на пути, где они не видят лучших (например, повышающих справедливость распределения) путей. Как и то, что успех может быть лишь внешним при недооценке недостатков этого пути в перспективе» [2].

В общем признание влияния исторического наследия на последующее развитие стимулировало пересмотр более ранней истории в модернизационном ключе. Серьезным событием в этом плане стало издание монографии С.Эйзенштадта «Политические системы империй». Тематически более узко сфокусированы следующие работы: «Ирригационные цивилизации: Компаративное изучение» (издана под редакцией Джулиана Стюарда в 1955 г.), Карл Виттфогель «Восточный деспотизм: Компаративное изучение тотальной власти» (1957 г.).

Вышедшие под редакцией Раштона Кулборна материалы симпозиума «Феодализм в истории» (1956 г.) были посвящены изучению параллелей в развитии феодализма в Западной Европе, Японии, Китае, древних Месопотамии, Персии, Египте, Византийской империи, России. Адаптация традиционных европейских институтов к потребностям модернистской цивилизации — тема исследования в книге «Европа XII столетия и становление современного общества», изданной Маршаллом Клагетом, Г.Пост и Робертом Рейнолдсом. Принявший участие в двух вышеупомянутых изданиях Джозеф Р.Страйер сравнил английский и французский опыт в статье «Исторический опыт строительства наций в Европе» («Nation Building», 1963, ed. by Karl W.Deutsh and W.J.Foltz). К более ранней истории обратился С.Хантингтон в своей интересной статье «Политическая модернизация: Америка vs Европа» (World Politics, XVIII, April 1966). Реинтерпретация американской истории в сравнительном плане была предпринята в работе Сеймура М.Липсета «Первая новая нация: США в исторической и компаративной перспективе» [3].

В данной статье делается попытка рассмотреть становление традиционного институционального контекста в средневековой Руси под влиянием внешних заимствований. Результаты подобных заимствований были поистине грандиозны и по своему трансформативны. Велико было их воздействие на последующее развитие России, в том числе уже в лоне собственно модернизационного перехода. В связи с этим в название статьи включен термин «модернизация». Оговорка «до модернизации» придает ему некоторый условный оттенок, «закавыченный» смысл, по нашему мнению, необходимый, поскольку в статье действительно речь идет о трансформациях, осуществлявшихся, все-таки, в рамках традиционного, а не модернистского контекста.

ДИФФУЗИЯ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

В современном отечественном обществоведении происходят серьезные перемены, выразившиеся в пересмотре привычных подходов и теорий, поиске новых аналитических инструментов изучения прошлого, активном освоении подходов и теорий зарубежных общественных наук, которые раньше подвергались жесткой критике. Одной из таких отвергаемых прежде и воскрененных ныне теорий является диффузионизм — теоретическое направление, которое основывалось на представлении о развитии культуры или отдельных элементов культуры как о процессе распространения их из одного или нескольких центров.

Диффузионизм возник в конце XIX в. как реакция на эволюционизм, противопоставив абстрактно-всеобъемлющим концепциям последнего анализ конкретно-исторических проблем. Основой диффузионизма послужила идея культурно доминирующих центров. Целью диффузионизма было «картирование» пространственного распространения культур, отдельных культурных элементов, реконструкция центров, районов их происхождения и маршрутов трансляции.

В рамках школы диффузионизма сложилось несколько течений, наиболее важными из которых являлись *историко-географическое направление* (Э.Норденшельд, Р.Хайне-Гельдерн, К.Биркет-Смит; ставили в качестве своей задачи восстановление временной последовательности культурного развития на основе изучения распространения культур); *учение о культурных кругах или культурно-историческая школа* (Ф.Гребнер, В.Шмидт, В.Котлерс; учение преимущественно связано с антропогеографической теорией Ф.Ратцеля и с «культурно-морфологической» теорией Л.Фробениуса; развивалось преимущественно применительно к истории первобытного общества; предполагалось наличие нескольких изначальных культурных кругов; развитие объяснялось как следствие перемещения целых культурных комплексов или смещения отдельных элементов культур одного культурного круга с элементами другого); *теория культурных ареалов* (К.Уислер, Э.Сепир, К.Кребер; сторонники данного течения исходили из наличия тесной взаимосвязи между географической средой и развитием культуры); *гелиоэтническая школа* (Г.Эллиот-Смит, У.Перри, У.Риверс; выводили культурное развитие из Древнего Египта) [4].

Представляет интерес так называемая культурно-историческая школа, или теория культурных кругов, создателем которой считается Фриц Гребнер, в 1911г. систематизировавший элементы своего научного подхода в книге «Метод в этнологии» (Fr.Graebner. Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911). Автор считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением их из одного центра. Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате великих, фундаментальных открытий. В общем смысле это открытия, позволяющие расширить экологическую нишу этноса. Они могут быть из области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть новое оружие, позволяющее раздвинуть границы обитания за счет

соседей. Эффект подобных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими. Используя эти преимущества, народ, «избранный богом», начинает расселяться из мест своего обитания, захватывать и осваивать новые территории. Прежние обитатели данных территорий либо истребляются, либо вытесняются пришельцами, либо подчиняются им и перенимают их культуру. Народы, находящиеся перед фронтом наступления, в свою очередь, стремятся перенять оружие пришельцев — происходит диффузия фундаментальных элементов культуры. Они распространяются во все стороны, очерчивая *культурный круг*, область распространения того или иного фундаментального открытия.

Теория культурных кругов и в наше время является рабочим инструментом для западных этнологов и археологов, позволяет реконструировать реалии прошлого и находить истоки культурных взаимосвязей. Для историков она представляет метод теоретического осмысления событий, позволяющий выделить суть происходящего.

Г.Эллиот-Смит (гелиолитическая школа) ввел в теорию социальных изменений понятие доминирующих центров культуры. Таким центром для него являлся Древний Египет [5]. По мнению Смита, необычное стечение обстоятельств привело к колоссальному рывку в культурном развитии Египта около 3000 лет до н.в., когда имели место стремительное совершенствование агрикультуры, обработки металлов, производства орудий труда, создание более эффективной политической системы. Впоследствии культурные инновации распространились из Египта по всему средиземноморью и всему миру. Смит считал, таким образом, что изобретательность древних египтян стала «причиной» социальных сдвигов во всех частях земного шара. Конечно, подобные представления устарели. Однако принцип, заложенный в их основе, — представление о контактах и диффузии как механизмах социальных сдвигов — может быть плодотворно использован и сегодня.

Понятие диффузия широко используется в современных социологических теориях, применяемых при изучении социальных изменений. При этом *диффузия* интерпретируется как процесс, посредством которого инновации (выделяют 3 основных типа инноваций: 1) новые технологии; 2) новые верования, культурные ценности и идеологии; 3) новые формы социальной структуры) или культурные элементы распространяются от одного общества к другому или от одной социальной группы к другой внутри одного общества [6].

В качестве «факторов» диффузии называются путешествия, миграции, торговля, войны. Установлена обратная зависимость между развитием обществ и расстоянием от них до «высоких центров» цивилизации. Чем более удалены от таких центров общества, чем более они изолированы, тем более велика для них вероятность замедленного и маргинального развития. Признается, что сама возможность заимствований ускоряет общественный прогресс. В свою очередь, развитие транспорта и коммуникаций существенно расширяет возможности контактов и заимствований между обществами. В литературе отмечается, что путешественники в значительной степени способствовали межсоциальному переносу технологий. Так, благодаря китайскому повару Марко Поло в Италии

появились спагетти; столетия спустя итальянские иммигранты завезли их в Америку. Миссионеры по всему миру распространяли новые моральные нормы, новые религиозные системы, новые обычаи и технологии в одежде, гигиене, школьном образовании. Появление радио, телевизоров, спутников связи способствовало постепенному превращению планеты в «большую деревню», в которой каждый получил возможность узнавать новость о событиях почти сразу же после того, как они случились. Развитие коммуникационных технологий будило у бедных желание к переменам и во многом явилось основой для «революции растущих ожиданий» по всему миру.

Если антропологи занимаются выяснением того, каким образом новые идеи и практики трансплантируются из одного общества в другое, то социологи большее внимание уделяют интерсоциальному переносу новых ценностей и стилей жизни и поведения. Социология села изучает распространение новой агрикультуры среди фермеров. Медицинскую социологию интересуют вопросы распространения медикаментов, вакцинации, методов планирования семьи. Социология образования изучает процессы адаптации в школе новых методов и технологий обучения. Экономистов интересуют имитационные технологии, посредством которых происходит усвоение новых производственных и технологических процессов в фирмах. Специалисты в области коммуникаций анализируют диффузию, чтобы глубже понять динамику убеждения и пропаганды. Чтобы обеспечить успешное продвижение нового продукта на рынке и контролировать его продажу, маркетологи без колебаний берутся за изучение диффузии товаров. В маркетинге разработана серия моделей, призванных обеспечить распространение продуктов, их приобретение. Концепт планируемой диффузии стал важным элементом в контексте программ модернизации, экономического развития, оказания помощи странам Третьего мира. Показательной иллюстрацией планируемой диффузии может служить деятельность Корпуса мира [7].

В монографии «Диффузия инноваций» (Нью-Йорк, 1983) Эверетт М. Роджерс разработал теоретическую модель изучения диффузии. Решающими моментами в процессе диффузии, по мнению Роджерса, являются: 1) сама инновация (которая может быть и технологическим усовершенствованием, и социальным движением, и новым продуктом, и определенной прихотью, причудой); 2) каналы, посредством которых она передается, презентуется (устная коммуникация, реклама и т.д.); 3) время, необходимое для подобной передачи; 4) члены социальной системы, которым предстоит усвоить инновацию.

Э. Роджерс выделяет пять стадий усвоения инновации: 1) стадия осознания (индивид узнает о новой идее, но еще не обладает достаточной и надежной информацией о ней); 2) стадия заинтересованности (индивида увлекает новая идея, и он стремится узнать о ней побольше); 3) оценочная стадия (индивид оценивает применимость идеи к своему настоящему опыту и прогнозируемым ситуациям в будущем и принимает решение — стоит или не стоит подвергнуть данную идею практическому испытанию); 4) испытательная стадия (индивид использует инновацию на практике в небольшом масштабе, чтобы определить ее полезность); 5) стадия усвоения (индивид принимает инновацию).

Поскольку динамика усвоения инновации в значительной степени зависит от характеристик самой инновации Э.Роджерс выделяет пять ее характеристик, которые оказывают наибольшее влияние на темпы усвоения. 1) *Относительное преимущество* указывает на степень превосходства инновации в сравнении с идеями и продуктами, которые ей предстоит заместить. Данная характеристика определяется такими параметрами, как эффективность, стоимость, новизна, ощутимая выгода. 2) *Совместимость* — степень согласованности инновации с принятыми ценностями, опытом, потребностями реципиента (например, технологии контроля за рождаемостью могут показаться многим обществам несовместимыми с существующими у них традициями, ценностями и верованиями). 3) *Сложность* определяется степенью трудностей в усвоении и использовании инновации. 4) *Испытуемость* — степень, в которой инновация может быть опробована в ограниченном масштабе. Преимуществом считается возможность ее предварительного испытания. 5) *Очевидность* означает видимость, эффективность результата принятия инновации для окружающих.

Далее, Роджерс выделяет три типа принятия решений по поводу усвоения инновации. 1) *Факультативный*, когда индивидуум имеет возможность выбора относительно того, принимать или не принимать инновацию. 2) *Коллективный*, когда большинство членов сообщества должно убедиться в необходимости принятия инновации. 3) *Авторитарный*, когда решение о принятии инновации навязывается социальной системе «сверху». При этом Роджерс рассматривает коммуникативные каналы как фактор, воздействующий на динамику принятия инновации. Межличностное общение, как он считает, является более значимым по сравнению со средствами массовой информации при принятии индивидом решения об усвоении сложной инновации.

В качестве идеальных типов Э.Роджерс выделяет пять категорий участников диффузии. 1) *Инноваторы*, желающие испытать (применить) новые идеи. Они должны обладать такими качествами, как дерзость, готовность к риску, ответственность за последствия своих действий. 2) *Ранние заимствователи* (Early adopters), более интегрированные по сравнению с инноваторами в социальную систему. Это индивиды, стремящиеся к известности, успеху, уважению. 3) *Раннее большинство* — эти люди принимают новые идеи несколько ранее, нежели основная масса социальной системы. Они более осторожны, способствуют легитимизации инноваций, хотя сами редко выступают в качестве лидеров. 4) *Позднее большинство* — следуют в процессе принятия инноваций за средним большинством социальной системы. Для них принятие инноваций зачастую обуславливается социальным давлением или экономической необходимостью. 5) *Увальни*. Они с подозрением относятся к инноваторам и агентам социальных перемен, являясь носителями традиционных ценностей; принимают социальные новации последними [8].

В литературе содержится немало иллюстраций, подтверждающих огромную значимость диффузии в истории человечества. Так, по расчетам Джорджа Мёрдока, более 90% элементов в каждой известной исторической культуре было заимствовано от других народов [9].

Впечатляет пример, который приводит Ральф Линтон. Он предпринял попытку атрибутировать происхождение предметов (или материалов, пошедших на их изготовление), которыми пользуется в течение дня типичная американская семья. Так, кровать пришла через Северную Европу с Ближнего Востока. Хлопок был завезен из Индии, шелк — из Китая. Пижама — индийского происхождения. Бритые для мужчин было принято в Египте. Обычай повязывать галстук пришел в Западную Европу в XVII в. из Хорватии, а уже затем распространился по всему миру. Юго-Восточная Азия — родина зонтика. Монеты были изобретены в древней Лидии, тарелки — в Китае, нож — в южной Индии, вилка — в Италии, ложка — древнеримского происхождения. Технология производства вафель изобретена в Скандинавии, а производятся они из пшеницы, которая была одомашнена в Малой Азии. Сигареты были завезены из Мексики, сделаны из табака, выращенного на плантациях Бразилии. Газета, которую будет читать американец, напечатана с помощью литер, изобретенных в Германии и т.д. [10].

В общем и целом диффузия может рассматриваться как один из важнейших механизмов социальных изменений. В контексте диффузионистской перспективы исторический процесс может быть представлен как динамичная картина распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. Конечно, эта достаточно простая модель не описывает всей сложности исторических процессов, но в целом она способствует лучшему пониманию некоторых аспектов развития человеческого общества. История отдельной страны в рамках данной концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких, как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке подобные трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как алленизация, романизация, исламизация, вестернизация и т.д.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДИФфуЗИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Парадигмы модернизации и диффузии имеют различные теоретические основания. Модернизационная перспектива, выросшая из эволюционизма, традиционно уделяла преимущественное внимание эндогенным факторам развития. Теория диффузии видит импульсы развития во внешних заимствованиях. Вероятно, теоретической односторонностью, а также политическими обстоятельствами (см. статью В.В.Алексеева и И.В.Побережникова в данном издании) можно объяснить недостаточное внимание представителей классической школы модернизации (1950—1960-е гг.) к международным аспектам развития, проблемам внешних факторов и заимствований. Тем не менее, перечисленные проблемы в той или иной степени оказывались в орбите интересов сторонников модернизационной перспективы [11].

Их невозможно было обойти при обсуждении вопросов смены традиционных институтов и ценностей новыми, модернистскими, даже несмотря на то,

что, как оказалось, традиционные формы обладают колоссальным трансформативным и адаптивным потенциалом, позволяющим им гибко приспосабливаться к новым (модернистским) функциям. В процессе эволюции теорий модернизации, пересмотра их концептуальных основ познавательный инструментарий данной перспективы значительно обогатился. Необходимо признать, что расширение познавательного горизонта теорий модернизации отчасти объясняется и пересмотром прежних представлений о месте диффузии и копирования внешнего опыта в процессах развития.

Ученые полагают, что широкое распространение индустриализации (перенос технологий, организационных систем) во многом обязано именно диффузии, а не внутреннему независимому процессу социальных изобретений [12]. Общеизвестна существенная роль диффузии, импорта институтов в ходе петровской модернизации в России и мейдзийской — в Японии. Оба случая в высшей степени интересны как исторические примеры преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательного включения институциональных практик и идей, заимствованных за рубежом.

Анализируя широкую трансплантацию Японией эпохи Мейдзи европейских организационных моделей: новых институтов, коммуникационных и производственных технологий, — Д.Уэстни отмечает, что в то самое время, как Япония «начала осуществлять свою модернизационную программу в 1870-е гг., все великие державы были вовлечены в организационное строительство в больших масштабах». В различных формах и в разной степени это было характерно для Третьей республики во Франции, только что объединившейся Германии, Великобритании, США, завершивших гражданскую войну. «Повтому Япония могла, — подчеркивает Уэстни, — получить более детальную и совершенную информацию о западных организационных системах..., чем это могло бы иметь место два или даже три десятилетия ранее».

При этом Уэстни считает, что мейдзийская Япония являлась лишь примечательным примером исторически гораздо более распространенного явления. Она утверждает, что фактически все общества, по крайней мере, все нацигосударства с конца XVIII и начала XIX вв. широко копировали «организационные формы» в других обществах. Повтому, несмотря на значительную вариацию между западными обществами в темпах и последовательности организационной революции, дифференциацию в структурах и моделях поведения, наблюдалось фундаментальное сходство процессов трансформации (особенно с 1870—1880-х гг.). Современники воспринимали это сущностное сходство как доказательство однонаправленности исторической эволюции. Общее настроение, царившее на Западе с конца XIX в., можно рассматривать как раннюю версию теории конвергенции, которая получит широкое распространение среди социальных мыслителей в начале 1960-х гг.

По мнению Д.Уэстни, межсоциальное подражание («cross-societal emulation») уже в конце XIX столетия тесно связало западные общества и обеспечивало их определенную конвергенцию: «значительным было подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами (особенно в военной сфере)

и оправдываемое идеологиями, которые подчеркивали однонаправленность и «прогресс» исторической эволюции» [13].

Роланд Робертсон опираясь на концепт «селективной восприимчивости» (ориентированный на определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами [14]) разрабатывает свой концепт «селективной инкорпорации», которым предлагает дополнить «межсоциетальное подражание» Д.Уэстли. Как считает Р.Робертсон, именно подражания и/или инкорпорации стали центральными компонентами в процессах формирования и трансформации обществ во всем мире. Роль указанных компонентов стала особенно очевидной после того, как сформировались государства-нации, и значительно усилилась по мере роста глобализации. Подражание и избирательное включение — норма, а не исключение, условие жизнеспособности и даже выживания для наций и обществ, утверждает Р.Робертсон. Он вводит в научный оборот еще одно понятие — «сравнительная динамика» — для обозначения процесса, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ. Именно «сравнительная динамика», считает Р.Робертсон, дает преимущества отдельным сообществам, способствует их росту в отдельные периоды времени, превращению в общества-лидеры и образцы для копирования. При этом он отмечает, что способности обществ к «сравнительной динамике» серьезно варьируют. Так, страны, входившие в социалистический лагерь, были заметно ограничены в возможностях эффективных сопоставлений и избирательной инкорпорации.

Вообще, по мнению Р.Робертсона, систематическое, насколько это возможно, понимание путей, посредством которых сравнение стало естественным аспектом строительства и трансформации наций-государств, является главной задачей социальных мыслителей конца XX в. Лишь выполнив эту задачу, считает он, мы сможем «вернуть модернизационную перспективу обратно» в сферу социальной науки. При этом решение указанной задачи требует от исследователей комплексного постижения того, каким образом в действительности осуществляются сравнения с так называемыми «референтными обществами» (терминология Р.Бендикса); каким образом внутри общества происходит конкурентная борьба и возникают конфликты по поводу того, что и до какой степени необходимо заимствовать; каково при этом институциональное положение влиятельных акторов; какую роль играют интеллектуалы и т.д. [15].

Итак, диффузия почти неизбежна в контексте модернизации и является собственно одним из механизмов, которые используются в процессе и в целях модернизации. Данная проблема может быть еще представлена в виде дилеммы эндогенное развитие VS экзогенное развитие. С одной стороны, действительно, в мире заметны тенденции конвергенции, в результате чего общества становятся во многом похожими друг на друга. Диффузия определяет векторы экзогенного развития. Однако одновременно эта центростремительная тенденция тормозится действием центробежных сил, которые коренятся в этничности, культуре, религии, языке. Центробежные силы (внутренние факторы) являются основой эндогенного развития. Эндогенные причины, местная культурная среда оказывают

существенное влияние на процессы развития. Общий ход развития будет успешным лишь в том случае, если удастся гармонизировать его эндогенные и экзогенные составляющие. Как верно отмечает проф. С. Дьюб, «нельзя отвергать реальность диффузии идей и инноваций как силы в процессе культурного развития человечества. И те, и другие переступают национальные границы. Но идеи, институты и технологии должны быть приспособлены к эндогенному втосу. Ни одно общество не может остаться вне влияния экзогенных факторов» [16].

ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДИФФУЗИИ

Первой волной завоеваний, прошедшей по территории Руси и зафиксированной письменными источниками, было норманнское нашествие. Фундаментальным открытием, породившим эту волну, был дракар — мореходное судно с 40—70 гребцами и прямоугольным парусом. Отличительным качеством дракара было то, что он мог с одинаковой легкостью преодолевать моря и подниматься по рекам, его можно было даже перетаскивать волоком через водоразделы [17]. Благодаря дракару норманны могли внезапно появляться едва ли не в любом месте — там, где хотели. Флотилия из 50—100 кораблей высаживала несколько тысяч воинов, которые грабили города и села и уходили как только противник собирал крупные силы. Дракар позволил норманнам разграбить большую часть Западной Европы, но, не обладая преимуществом перед рыцарской конницей, они смогли закрепиться лишь в немногих областях (в Нормандии, Сицилии, Англии). На востоке Европы сложилась иная ситуация: здесь не было рыцарской конницы, и благодаря своим мечам и кольчугам норманны-варяги обладали военным превосходством над местным населением.

В утро-славянском мире шведских норманнов именовали «русью» (финское *ruotsi* до сих пор означает «швед, Швеция»). Основной целью варягов было приобретение баз для набегов на Константинополь по только что открытому волохово-днепровскому пути. Продвигаясь по этой дороге, они основали базы в Холмгарде (Holmgardr, Новгород) и Каенугарде (Koenugardr, Киев), которые стали центрами варяжского владычества в земле славян. Из Киева-Каенугарда «русь» совершала непрерывные набеги на Византию и по Дону и Волге — на Северный Иран. Еще одна база была основана норманнами в Таматархе (Тмутаракани) в Крыму; этот город некоторое время соперничал с Киевом [18].

В отличие от франков, «Русь» не делила между собой деревни туземцев, она жила в укрепленных «гардах» (то есть городах), выходя отсюда в набеги на непокоренные племена. Целью набегов был захват рабов. «И эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабов, отводят в Хазаран и Булгар и там продают... — свидетельствует Гардизи. — Всегда 100—200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся. И там у них находится много людей из славян, которые служат русам, как рабы...».

Укрепленные городки норманнов существовали не только на днепровском пути, но также в польском Поморье и в Литве. Русь была лишь одной из стран, завоеванных норманнами [19]. Жизнь русских «гардов» подчинялась

скандинавским традициям. Город возглавлялся конунгом или ярлом, который обсуждал все вопросы, «думал думу», со старшими дружинниками-боярами и выборными от горожан [20]. Существовало и общее собрание горожан, «вече» — скандинавский «тинг». В ноябре, по первому снегу, конунги с дружиной выходили на «полюдь» — на сбор дани. В Норвегии такие объезды конунгами своей страны назывались «вейцла», «пир», потому что принимавшие «гостей» хозяева должны были поставлять им угощение [21]. На Руси дружина не только пировала в славянских деревнях, но и требовала дань. По возвращении происходил раздел добычи между дружинниками и горожанами. Ежегодно в апреле из Киева в Константинополь отплывала флотилия из нескольких сот судов, везшая на продажу собранную на полюдь добычу: меха, мед и многие тысячи рабов — преимущественно пленных славянских девушек. «Челядь составляла главную статью русского вывоза на черноморские и волго-каспийские рынки, — писал В. О. Ключевский. — Русский купец того времени всюду неизменно являлся с главным своим товаром — с челядью. Восточные писатели X века в живой картине рисуют нам русского купца, торгующего челядью на Волге: выгрузившись, он расставлял на волжских базарах, в городах Булгаре или Итиле, свои скамьи, лавки, на которых рассаживал живой товар — рабынь. С тем же товаром являлся он и в Константинополь...» [22].

Викинги прибывали в страну славян без женщин, и — также как в Нормандии — примерно через полтора столетия после завоевания они ассимилировались и переняли местный язык. Ославянившаяся Русь постепенно стала отличать себя от варягов, флотилии которых по-прежнему приходили на Днепр по пути в Константинополь или в Персию. Варяги считали себя хозяевами Руси, и Новгород-Холмгард платил им дань в 300 гривен. В дружинах русских князей варяги занимали почетное место; вплоть до конца XI в. понятие «боярин», «старший дружинник» отождествлялось на Руси с варягом [23]. Во время усобиц русские князья ездили за помощью в Скандинавию и приводили оттуда варяжские отряды.

Большинство русов имело по несколько жен и рабынь-наложниц, поэтому население русских городов быстро росло. Рост населения заставил русь выводить колонии на периферию, князья «ставили» для своих сыновей новые «гарды», переселяя туда часть дружины и «людей». Русы, не входившие в состав дружины, были в основном купцами, занимавшимися работоторговлей и сбытом дани, полученной во время «полюдь»; у них была своя выборная старшина и свое ополчение — городская «тысяча». «Сторонним наблюдателям оба класса, княжеская дружина и городское купечество, представлялись единым общественным слоем, который носил общее название руси, и, по замечанию восточных писателей X века, занимался исключительно войной и торговлей» [24]. Города руси постепенно осваивали страну славян, подчиняя все более удаленные племена.

Жителей славянских деревень называли смердами; уплачивая русам требуемую дань, смерды жили по своим обычаям и законам. Убийство смерда русом каралось так же, как и убийство раба, — в представлении русов, деревенскому смерду соответствовал городской челядин-раб [25]. Городские

усадьбы русов были наполнены челядью, приведенной из набегов; среди этих рабов были ремесленники и военные слуги.

В середине XI в. пришедшие с Востока кочевники-половцы прервали торговые пути по Днепру и Волге; питавшая русское общество работорговля прекратилась, начался новый период в истории Киевской Руси [26]. Русские города оскудели и уменьшились в размерах, подвергавшаяся постоянным набегам Киевщина переживала время глубокого упадка. Сражаясь с половецкой конницей, русы были вынуждены строить укрепления и спешно перевооружать свое войско. Дружина села на коней и превратилась в отряд рыцарей. Помимо «старшей дружины» из бояр, появилась и «младшая дружина» из «отроков». Подобно гвардии гулямов в мусульманских странах, она формировалась из рабов — причем среди этих рабов были и пленные турки. С прекращением торговли старшие дружинники-бояре перебрались из городов на село. Они построили укрепленные усадьбы-замки, завели собственные дружины из «отроков» и заставили рабов обрабатывать барские поля. «Экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII веков держалось на рабовладении, — писал В.О. Ключевский. В половине XII века рабовладение достигало там громадных размеров... во всех известиях о частном землевладении XII века земельная собственность является с одним отличительным признаком: она населялась и эксплуатировалась рабами, это — «села с челядью»» [27].

К чему же в конечном счете привело распространение на Русь норманнского культурного круга? Славяне были покорены завоевателями, которые жили в укрепленных «градах», собирали с местного населения дань, захватывали рабов и продавали их в Константинополе и Булгаре. Со временем, ассимилировавшись, варяги превратились в русских бояр. Они обосновались в бревенчатых замках, имели села с рабами, собственные дружины и постоянно воевали друг с другом. Варяги не принесли на Русь ни высокой культуры, ни сколько-нибудь прочной государственной организации — по той причине, что сами ее не имели. В русском языке сохранился лишь десяток скандинавских слов: «стяг», «броня», «багор», «удел», «город», «торг», «тиун» (судья); слово «конунг» превратилось в «князь», «викинг» — в «витязь» [28]. Скандинавский бог грозы и войны Тор превратился в русского Перуна, идол которого стоял на холме над Киевом и которому приносили человеческие жертвы [29]. В культурном отношении варяжское наследие в основном ограничивалось военной техникой: ладьи-дракары, прямые «франкские» мечи, секиры, боевые ножи скрамасаксы [30]. Из военных традиций сохранился обычай совершать походы на стругах-«дракарах» — запорожские и донские казаки, подобно варягам, ходили на стругах к берегам Турции и Персии. Скандинавское происхождение имеет также система погостов, опорных пунктов, куда местное население было обязано привозить дань, и через которые проезжал конунг во время вейцлы. «Вотчина» боярина — это был скандинавский «одадь», «удел», наследственное владение главы рода [31]. Обычай князей пировать с боярами и обсуждать дела в боярской думе восходит к скандинавским дружинным традициям. Русское городское вече ведет свое начало от скандинавского тинга.

Культурные достижения Киевской Руси связаны в основном с византийским влиянием и принятием христианства. Византия принадлежала к римскому культурному кругу, и могущество этой державы вызывало попытки подражания со стороны русских князей. Византийское влияние привело к принятию христианства, появлению на Руси письменности и писцов-«дьяков», строительству каменных храмов и заимствованию отдельных элементов греко-римской культуры. Христианскими идеалами была пронизана деятельность некоторых князей, в особенности Андрея Боголюбского, который хотел прекратить распри и изгнал из своего княжества севящих раздор бояр. Андрей Боголюбский брал пример с византийских императоров и стремился к самодержавию. Однако первая попытка установления самодержавия закончилась неудачей, князь Андрей был убит боярами [32]. Распространение на Русь римского культурного круга имело мирный характер и не оказало существенного влияния на социальные отношения, поэтому мы не будем подробно останавливаться на данной теме.

В XIII в. на русские земли обрушилась лавина монгольского нашествия — Русь вступила в соприкосновение с монгольским культурным кругом. Фундаментальным открытием, даровавшим победу завоевателям, был монгольский лук, «саадак», стрела из которого за 300 шагов пробивала любой доспех. Это была сложная машина убийства, склеенная из трех слоев дерева, вареных жил и кости и для защиты от сырости обмотанная сухожилиями; склеивание производилось под прессом, а просушка продолжалась несколько лет. Секрет изготовления этих луков хранился в тайне [33]. Для натяжения монгольского лука требовалось усилие не менее 166 фунтов — больше, чем у знаменитых английских луков, которые погубили французское рыцарство в битвах при Креси и Пуатье [34]. Саадак не уступал по мощи мушкету, и все дело было в умении на скаку попасть в цель: луки не имели прицела и стрельба из них требовала многолетней выучки. Обладая таким всеокрушающим оружием, монголы не любили сражаться врукопашную. «Вообще они не охотники до ручных схваток, — отмечает С.М. Соловьев, — но стараются сперва перебить и переранить как можно больше людей и лошадей стрелами и потом уже схватываются с ослабленным таким образом неприятелем» [35]. Классическим примером такой тактики явилась битва с венграми на реке Сайо, когда венгерская рыцарская армия так и не смогла навязать монголам рукопашного боя и была расстреляна из луков во время шестидневного отступления к Пешту [36].

Малочисленные дружины враждующих между собой князей не могли противостоять нашествию. Русь была завоевана монголами, которые прошли по стране подобно смерчу. Разрушения были огромны; большинство городов обратилось в развалины, исчезли многие ремесла, более 100 лет на Руси не строили каменных зданий. Когда сопротивление было подавлено, завоеватели принялись перестраивать социальную систему Руси и вводить новые, неслыханные прежде порядки. Собственно говоря, эти новые порядки не были монгольскими; монголы не имели письменности и не могли управлять обширными завоеванными странами, поэтому преемник Чингисхана, Великий Хан Угэдей, вручил дела управления китайскому министру Елюй Чу-цаю. Елюй Чу-цай ввел на всей

территории Империи китайскую административную систему и назначил в провинции налоговых уполномоченных, «даругачи», — в восточных областях Империи они назывались «баскаками» [37]. В то время как наместник провинции командовал войсками и поддерживал порядок, баскак проводил перепись населения, осуществлял раскладку и сбор налогов, набирал рекрутов в войска, а также отвечал за почтовую («ямскую») службу [38]. Некоторые провинции отдавались в «улус» полководцам, и часть собранных баскаком налогов передавалась в содержание воинов. В каждой области была канцелярия, где хранились списки налогоплательщиков и данные о причитающихся с них налогах. Крестьяне платили два налога — поимущественный и подушный, а горожане — подушный налог и торговые пошлины («тамгу»). Производство и продажа соли, вина и некоторых других товаров были монополией государства [39]. Введенные Чучаем налоги были необременительны для народа и считались легкими; поимущественный налог составлял десятую часть урожая и сотую часть скота — значительно меньше, чем платили в Китае до монголов [40]. Отступлением от китайских традиций (против которого безуспешно протестовал Чучай) была сдача налогов на откуп; эта практика была характерна для мусульманских стран [41]. Мусульманские купцы, часто назначавшиеся баскаками, брали налоги на откуп, вносили всю сумму авансом, а затем собирали налоги с населения, завышая их ставки. В 1262 г. самоуправство откупщиков налогов вызвало восстание в Суздальской земле; Александр Невский поспешил в Орду, рассказал хану о произволе откупщиков и вымолил пощаду восставшим [42]. По-видимому, после этого за деятельностью откупщиков налогов был установлен более строгий контроль.

Система монгольского управления на Руси в общем была такой же, как и в других областях Империи. Киевщина и Черниговщина были взяты в прямое управление, а северо-восточные княжества отдавались в улус местным князьям. Князья ездили в Орду и получали ярлык — грамоту на управление улусом; этот ярлык мог быть в любое время отнят и передан другому князю. Сбором налогов ведали баскаки, имевшие свой штат писцов и данщиков (основной поимущественный налог по-русски назывался данью). В функции баскаков входило также насильственное рекрутирование воинов в монгольские войска; у них были свои отряды с монгольскими офицерами и русскими солдатами. Проведя перепись, баскаки разделили княжества на «тысячи», «сотни» и «десятки» по числу выставляемых воинов и поставили во главе этих административных единиц соответственно «тысяцких», «сотских», «десятских» [43]. Эти «тысячи» и «сотни» соответствовали городским наместничествам и сельским волостям; староста села был «десятским», а «сотники» и «тысячники» — наместниками и волостелями. Они выполняли административные и судебные функции и получали за это «корм» — небольшую долю налогов с их района [44]. Сведения, относящиеся к более позднему времени, говорят о том, что волостели назначались на сравнительно короткий срок, на год или два, и по оставлении поста были обязаны представить отчет — причем любой обиженный ими простолюдин мог вызвать обидчика на суд князя [45].

В 1260-х гг. Монгольская империя распалась, и русские области отошли к Золотой Орде. Новое государство уже не подпитывалось китайскими административными традициями, и унаследованная от Елюй Чу-цзя бюрократическая система стала постепенно приходить в упадок. В начале XIV в. улусные князья стали совмещать функции баскаков; они сами собирали налоги и отправляли «выход» («харадж») в Орду; часть налогов при этом оставалась в княжеской казне («хазине») [46]. Московский князь Иван Калита получил право на откуп налогов с большей части княжеств и использовал свое положение, чтобы присоединять к Москве владения князей-недоимщиков. Многие князья потеряли свою независимость и превратились в «служебников»; они сохранили свои вотчины и служили великому князю в качестве наместников городов в своих прежних владениях [47].

В 1360-х гг. в Орде началась смута, и Дмитрий Донской попытался сбросить «татарское иго». Он одержал победу на Куликовом поле, но через два года хан Тохтамыш овладел Москвой и восстановил татарское владычество над Русью. В 1430-х гг. Орда окончательно распалась, русские княжества стали практически независимы, и на Руси возобновились междоусобные войны.

Распространение на Русь монгольского культурного круга имело существенные последствия для страны. «Москва обязана своим величием ханам», — утверждал Н.М. Карамзин. Московское княжество унаследовало от татарских ханов сильную княжескую власть, крепкую административную организацию, четкую систему сбора налогов, дисциплинированный и сменяемый бюрократический аппарат. Все это было следствием внедрения на русскую почву китайских и мусульманских управленческих традиций, наследия восточных цивилизаций, имевших тысячелетний исторический опыт. Средневековая Европа не могла сравниться с Востоком по части совершенства и силы государственной организации. Во Франции рекрутская повинность была введена в эпоху революции, а первую перепись населения провел император Наполеон. Ранее французские короли имели приблизительные представления о количестве своих подданных и, конечно, не знали, сколько у них имущества — налоги распределялись «вприкидку».

Русь была частью могущественной восточной Империи, и обычаи, культура, образ жизни русских людей неизбежно должны были подвергнуться своеобразной трансформации по восточному образцу. Сражаясь вместе с непобедимой степной конницей, русские полки заимствовали ее вооружение и тактику; русские воины сели на быстрых степных лошадях и научились стрелять из монгольского лука, «саадака»; они носили татарские стеганные доспехи («тигиляи») и рубились кривыми татарскими саблями. «Их сабли, луки и стрелы похожи на турецкие, — пишет Флетчер. — Убегая или отступая, они стреляют так же, как татары, и вперед и назад» [48]. Идя в атаку под пение зурны, русские вместе с татарами кричали «ура!» — «бей!»; они называли друг друга на татарский манер «богатырями», «казаками», «уланами». В русский язык незаметно вошло множество тюркских слов: караул, колчан, есаул, бунчук, облава, булат, охота, нагайка... Как всегда, сначала перенималось то, что было связано с войной и без чего нельзя было выжить, потом — то, что было связано с го-

сударственным управлением: казна, ямская служба, книги, служебные чины. Слова «книга» и «чин» пришли в русский язык из китайского как напоминание о мудром министре Елюй Чу-цае. На русских монетах ставили печать хана, «тамгу». Отсюда произошли слова «деньги» и «таможня». На печати-тамге были арабские надписи, поэтому русские деньги по виду мало отличались от восточных монет. Заимствовались и одежда: восточные «кафтаны», «шубы», «ферязи», «сарафаны», «армяки», «башлыки». С. Герберштейн отмечал, что русская одежда очень похожа на татарскую, только застегивается с другой стороны [49]. Русские князья и бояре подолгу жили в Орде. Постепенно они стали подражать ханам и бекам: носили парчовые халаты, атласные шаровары и сафьяновые салогги, украшали своих лошадей парчовыми седлами и охотились с прирученными соколами. Так же, как мусульмане, они не позволяли своим женам выходить к гостям и запирали их в «терем», строили церкви с куполами-луковками, похожими на купола мечетей [50].

Монгольский культурный круг пересекался на Руси с норманским культурным кругом — причем некоторые области остались вне этого пересечения. В Новгороде и в Западной Руси почти в первоначальной чистоте сохранились норманские традиции — городской строй, вече, власть бояр. В Северо-Восточной Руси владычество монголов привело к вытеснению многих старых традиций: городское самоуправление исчезло, городская русь утратила значение привилегированного военно-купеческого сословия, боярам пришлось подчиниться власти князей. С другой стороны, бояре сохранили свои вотчины и села с рабами, свои дружины и право служить, кому захотят; по-прежнему сохранялась боярская дума. Как только Орда распалась, князья возобновили свои усобицы, и, казалось, что норманские традиции снова восторжествуют — тем более, что эти традиции находили поддержку со стороны Западной Руси, Литвы и Польши. С другой стороны, московское княжество унаследовало мощную государственную организацию Востока, и московские князья пытались черпать силы в воспоминаниях о великих православных императорах Константинополя. В конечном счете, борьба решилась вмешательством новой грозной силы — в XV в. на Восточную Европу стал распространяться турецкий культурный круг.

Фундаментальным открытием, обусловившим распространение турецкого культурного круга, была артиллерия — точнее, тактика регулярной пехоты, основанная на использовании огнестрельного оружия.

В начале XIV в. турки-османы были лишь одним из многих кочевых племен, отброшенных монгольским нашествием к границе Азии. Их вождь Осман жил в палатке и оставил после себя лишь «несколько славных табунов и овечьих стад». Вместе с другими племенами османы принимали участие в войнах с Византией. Эти войны обогащали вождей-беев, которые содержали дружины из рабов-гулямов и владели обширными вотчинами-мульками. Сын Османа Орхан (1324—1362) и его наследник Мурад I (1362—1389) постепенно налаживали управление завоеванными территориями, перенимая при этом традиционные порядки мусульманского Востока. Со времен Халифата в мусульманских странах существовала традиция разделения военных, финансовых и судебных

властей; причем духовные судьи, «кади», судили по законам шарията. Все земли разделялись на частные («мулк»), церковные («вакф»), государственные («мири») и личные земли султана («хассе»). Соответственно этому казна разделялась на государственную и личную — казну султана. Казна и земли султана, дворцовое хозяйство и гвардия составляли султанский двор и имели особое управление [51].

Все завоеванные земли считались принадлежащими государству, поэтому прежние собственники этих земель теряли все права на владение ими. Часть населения — прежде всего знать и многие горожане — выселялась с завоеванных земель в коренные османские области, а на их место переселялись турки. Сразу после завоевания производилась перепись населения и земельный реестр («дефтер»), в котором указывалось число хозяйств в деревне и перечислялись полагающиеся с деревни платежи по налогам. Некоторые деревни выделялись в поместье («тимар») воинам-всадникам, и в дефтере указывались платежи, следующие тимариоту-«сипахи». Тимар был учреждением, заимствованным у византийцев, у которых он назывался «пронией». Впрочем, и в мусульманских странах был похожий институт — «икта». Обычно тимар составлял одну-три деревни и доставлял доход 3—10 тыс. акче, что соответствовало доходу 5—15 крестьянских хозяйств. С этого маленького поместья сипахи должен был служить сам и выставлять с каждых 1,5—2 тыс. акче одного всадника; офицерам предоставлялись большие тимары, «знаметы», но они должны были приводить, соответственно, большее количество воинов [52].

Сипахи регулярно вызывались на смотры, и если воин вызывал недовольство командиров, то тимар мог быть у него отнят; если сипахи проявил себя в бою, то тимар увеличивали. Тимары могли наследоваться, но сыну, поступающему на службу вместо отца, давали не весь отцовский надел, а лишь то, что полагалось молодому воину. Сипахи не имели никаких прав над крестьянами, кроме права сбора определенных в дефтере денежных сумм. Если сипахи пытался брать лишнее, то крестьянин мог пожаловаться кади, и тимар мог быть отнят. Крестьяне были лично свободными людьми, и их повинности были не слишком велики; основной налог мусульман, «ашар», составлял десятину урожая; немусульмане платили еще «джизью», которая считалась откупом от военной повинности; в целом налоги немусульман составляли примерно четверть урожая. Для примера, в Боснии до мусульманского завоевания оброки отнимали $\frac{3}{5}$ дохода крестьянина. Сипахи и санджакбей должны были следить за состоянием крестьянских хозяйств и, по возможности, обеспечивать их стандартными наделами земли, «чифтами». Вместе с тем дабы крестьяне не уклонялись от повинностей, уходя в другие места, с конца XV в. в отдельных районах существовало административное прикрепление крестьян к месту жительства. Позднее эти порядки были распространены на все государство [53].

Центральное управление осуществлялось «диваном», советом, в который входили главы военной, финансовой и судебной администрации, и который возглавлял великий визирь. Все члены администрации были сменяемыми по воле султана, который сохранял за собой функции главнокомандующего, «меча правоверных» и хранителя справедливости. В трудах мусульманских государственных

ных деятелей — в том числе в знаменитой «Книге правления» Низам ал-Мулька — справедливость выступает как основной принцип государственного управления, построенного на законах ислама. «Государям надлежит блюсти божье благоволение, — писал Низам ал-Мульк, — а благоволение господ — в милостях, оказываемых людям и достаточной справедливости, распростираемой среди них... Неизбежно государю раза два в неделю надо разбирать жалобы на несправедливости и, творя правосудие, выслушивать народ самолично... Амилям, которым дают должность, следует внушать, чтобы они хорошо обращались с людьми... не брали бы ничего сверх законного налога... Если кто из народа окажется в затруднении... надо дать ему в долг, облегчить его бремя...». Великий визирь приводит в пример Хосрова Ануширвана: «Я буду охранять от волков овец и ягнят, — говорил Ануширван. — Я укорочу загребистые руки и сотру с лица земли зачинщиков разрухи, я благоустрою мир правдой, справедливостью и спокойствием, ибо призван для этой задачи» [54]. Необходимо отметить, что существование исламской справедливости признавали даже ярые враги ислама: «И все же великое правосудие существует среди поганных, — писал серб, вернувшийся из турецкого плена. — Они соблюдают правосудие между собой, а также ко всем своим подданным... ибо султан хочет, чтоб бедные жили спокойно... над ними владывают по справедливости, не причиняя им вреда» [55]. Характерно, что в понятие мусульманской справедливости входило не только равенство всех перед законом, но и справедливые налоги и справедливые цены на рынке — все цены устанавливались кади с учетом себестоимости товара и максимальной торговой надбавки в 10%. Производство и продажа некоторых товаров составляли государственную монополию [56].

С помощью тимарной системы османы создали многочисленную и достаточно боеспособную кавалерию сипахи, однако секрет их военного могущества заключался не в кавалерии, а в пехоте и артиллерии. При султанах Мураде I были созданы первые подразделения янычар — это был корпус регулярной пехоты, составленный из воинов-рабов, с детства воспитанных в казармах. Корпус был организован по образцу египетской гвардии мамелюков. Так же, как мамелюкам, янычарам запрещалось жениться, и они посвящали свою жизнь «священной войне». Янычары считались мюридами ордена Бекташа и носили шапки монахов; дервиши ордена жили вместе с ними в казармах и вместе с ними шли в бой, обещая райское блаженство тем, кто погибнет за веру. «В казармах, похожих на монастыри, дисциплина была так строга, что ночью никто не мог оставаться вне них», — пишет Г. Дельбрюк [57]. Это было дисциплинированное и обученное войско, получающее регулярное (раз в три месяца) жалование из казны. В Европе еще не было подобных армий.

Среди историков распространено мнение, что создание постоянной армии является фактором, благоприятствующим установлению абсолютизма [58]. Постоянная армия, подчиняющаяся монарху, является мощным оружием в борьбе с сепаратистскими устремлениями феодалов. Естественно, что усиление султанов вызвало недовольство беев и эмиров, которые еще не забыли о былой независимости. В первой половине XV в. беи все еще владели дружинами и огром-

ными мультками, они устраивали мятежи и разжигали распри между наследниками султанского престола. В 1402 г. беи изменили султану Баязиду I, и это едва не привело к гибели Османского государства — турки были разбиты Тамерланом, и Баязид попал в плен. Порожденные этим разгромом междоусобицы продолжались двадцать лет, и лишь в 1423 г. султану Мураду II (1421—1451) удалось подавить все мятежи. В своей борьбе со знатью Мурад II опирался на корпус янычар, который был расширен и приобрел новое значение. Янычары комплектовались путем набора мальчиков-рекрутов из среды немусульманского населения. Обращенные в ислам и воспитанные в казармах молодые люди назывались «рабами дворца», «капыкулу». Преданность «капыкулу» побудила султана назначать из их среды командиров и чиновников; новое окружение Мурада II состояло из специально обученных в дворцовой школе «рабов дворца». «Не меньшее значение имели обучение и упражнения во дворце.. — писал польский посол князь Збаражский. — Через это проходили все должностные лица, как через школу, и были образцом для всей земли». Навысшей наградой для чиновника-раба были почетные одежды — шуба с султанского плеча [59].

Дисциплина, порядок и мужество янычар помогали им одерживать победы в сражениях, но настоящая слава пришла к ним тогда, когда в руках «новых солдат» оказалось «новое оружие». При Мураде II большая часть янычар была вооружена аркебузами-«тофенгами»; был создан мощный артиллерийский корпус, «топчу оджагы». Таким образом, на свет явилась регулярная армия, вооруженная огнестрельным оружием. Пушки тех времен были слишком тяжелыми, чтобы передвигаться по полю боя, поэтому их устанавливали на центральной позиции, обычно на холме. Батареи прикрывались укреплениями из деревянных щитов и повозок — получался укрепленный лагерь, в окопах впереди лагеря и в самом лагере располагались стрелки-янычары, а конница сипахи выстраивалась по сторонам и позади лагеря. Задача конницы состояла в том, чтобы завязать бой и заманить вражескую кавалерию на укрепления янычар, где она попадала под губительный огонь пушек и аркебуз. Потом конница возвращалась и добивала уцелевших врагов. При преемнике Мурада, Мехмеде II, для овладения городами были созданы огромные осадные орудия, в том числе знаменитая пушка Урбана, которая в 1453 г. разрушила стены Константинополя [60].

Создание вооруженной огнестрельным оружием регулярной армии было фундаментальным открытием турок. Это открытие вызвало волну османских завоеваний. В течение двадцати лет после взятия Константинополя турки овладели Сербией, Грецией, Албанией, Боснией, подчинили Валахию и Молдавию. Затем они обернулись на Восток, окончательно покорили Малую Азию и в 1514 г. в грандиозной битве на Чалдаранской равнине разгромили объединенные силы господствовавших над Ираном кочевников. Затем были завоеваны Сирия и Египет, и султан Селим Грозный (1512—1520) провозгласил себя заместителем пророка, халифом.

Новое оружие позволило султанам одержать победу над всеми своими врагами — в том числе и внутри страны. Вскоре после взятия Константинополя находившийся в ореоле славы Мехмед II нанес решающий удар оппози-

ционной знати — ее глава визирь Халил-паша был обвинен в государственной измене и казнен. Вслед за этим были казнены многие бен, владения знати были конфискованы; в 1453 г. великим визирем впервые стал раб-«капыкулу». Были конфискованы и многие вакфы, созданные беями и приносившие им доход. Пытаясь подвести итоги борьбе со знатью и утвердить справедливость, Мехмед II создал свод законов «Канун-наме», по которому должны были судить кади во всех частях огромного государства; эти законы не делали различия между простолюдными и знатными. Правда, борьба на этом не закончилась. В 1481 г. Мехмед II был отравлен своим сыном Баязидом, вступившим в союз с знатью. Баязид II вернул бейм часть отнятых владений, но его сын Селим I Грозный вновь конфисковал вотчины знати. Навысшего могущества Османская империя достигла в правление Сулеймана I Законодателя (1520—1560), который завоевал Венгрию и окончательно кодифицировал мусульманское законодательство. В частности, были установлены единые нормы податей и нормы военной службы. Возвеличение самодержавия достигло такой степени, что все приближенные называли себя «рабами» султана, и он одним мановением руки приказывал казнить вельмож, обвиненных в казнокрадстве или измене [61].

Могущество Османской Империи вызывало попытки подражания в соседних странах. В Иране в начале XVI в. получил распространение аналогичный тимару институт тиула. Сражаясь с турками, шах Аббас I (1587—1629) завел собственных янычар («туфенгчиев») и артиллерийский корпус («топлан»). После окончания войны в 1590 г. Аббас провел реформы по турецкому образцу, разгромил непокорную знать, конфисковал ее земли и ввел справедливые налоги [62]. В 1526 г. правитель Кабула Бабур, наняв турецких артиллеристов, одержал победу при Панипате и овладел северной Индией [63]. Основанная его потомками Империя Великих Моголов также имела некоторые турецкие черты. Впрочем, здесь надо иметь в виду, что собственно турецкие элементы трудно выделены в общемусульманском комплексе. Для всех мусульманских стран характерны одни и те же категории землевладения и система государственного управления, восходящая к Халифату. Распространение турецкого культурного круга было связано не столько с приходом новых культурных элементов (в частности артиллерии), сколько с восстановлением исламских традиций, подорванных долгим господством кочевников.

На Западе турецкое влияние сказывалось, в основном, в перенимании турецкой техники. Испания, которая постоянно воевала с мусульманами, первая переняла у них оружие янычар — аркебузы: конструкция фитильного и кремневого замка европейских ружей имеет восточное происхождение, а карабин — это искаженное турецкое слово «стрелок» [64]. В 1470-х гг. Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская сумели прекратить феодальную анархию и подавить грандов; с помощью артиллерии было разрушено множество замков; обширные владения знати подверглись конфискации. В начале XVI в. в Испании появилась регулярная пехота, использовавшая турецкую тактику — оборонительный бой за укреплениями из телег и деревянных щитов [65]. Как уже отмечалось, появление постоянной армии благоприятствует становлению абсолютизма. В первой половине XVI столетия Испания превратилась в могу-

щественную абсолютную монархию, а испанская пехота завоевала славу непобедимой. Можно привести и другие примеры турецкого влияния на историю Европы. Но в целом приходится признать, что западные историки неохотно касаются этой темы. Как бы то ни было, Османская империя XVI в. была символом государственного могущества не только для Азии, но и для Европы. Известные философы европейского Возрождения — Жан Боден, Ульрих фон Гуттен, Таммазо Кампанелла находили в Османской империи образец для подражания. В те времена взоры многих государственных деятелей были прикованы к Турции. Россия не была исключением.

Волею судеб история России была тесно связана с историей Византии — обе страны соединяли узы общей религии — православия. В 1472 г. великий князь Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Вместе с Софьей в Московскую Русь прибыло много греков, беглецов из Константинополя, которые многое видели и многое могли рассказать. Современники заметили, что после брака с Софьей великий князь изменился, как пишет С.М.Соловьев, он явился грозным государем на московском престоле [66]. Изменения в политике князя были весьма показательны: он сразу же послал в Италию за мастерами-литейщиками. В 1475 г. в Русь прибыл Аристотель Фиоравенти, и вскоре в Москве был построен Пушечный двор. В 1480-х гг. «Аристотель с пушками, и с тюфяки, и с пищали» участвовал в походах на Казань и Тверь [67]. В это же время были созданы первые отряды стрелков; заметим, что на Руси использовались турецкие названия ружей — «тюфяк» («тюфенг») и «мултух» [68].

В 1479 г. не без участия артиллерии Иван III овладел Новгородом. Великий князь поступил с завоеванным городом по примеру султанов: он расправился со знатью, вывел из города больше 7 тыс. «живых людей» и поселил на их место москвичей. Земли бояр и церкви были конфискованы и пополняли государственный фонд. Затем были проведены перепись и кадастр; при описи деревень так же, как в дефтерах, указывалось число хозяйств в деревне, количество земли и перечислялись полагающиеся с деревни платежи [69]. После этого Иван III осуществил небывалую до тех пор на Руси (но типичную для Турции) акцию: он разделил почти все земли новгородчины на поместья по 100-300 десятин и раздавал доходы с них воинам-всадникам («помещикам») [70]. Поместья давались на условии службы; в переписных листах были точно зафиксированы размеры подати, которые крестьяне должны были платить помещикам. Поместья были небольшими: при среднем крестьянском наделе в 15 десятин в поместье входило от 6 до 20 дворов. Помещики регулярно вызывались на смотры, и если воином были недовольны, то поместье могло быть отнято; если помещик проявил себя в бою, то «поместную дачу» увеличивали. Поместья могли наследоваться, но сыну, поступавшему на службу вместо отца, давали не весь отцовский надел, а лишь то, что полагалось молодому воину, «новику» [71].

Вопрос об истоках поместной системы является предметом давних споров историков. Г.В. Вернадский прямо называет русское поместье «тимаром», но Р.Г. Скрынников выступает против такого сопоставления [72]. М.М. Ковалев-

ский считал, что поместье происходит от известного татарам института икта [73]. К.А. Неволин высказывался в пользу греческого происхождения этого института и связывал его появление с влиянием греческого окружения царицы Софьи [74]. Нам представляется, что в позициях исследователей, говорящих о заимствовании поместной системы, есть много общего: известно, что греческая прония и мусульманская икта были типологически сходными учреждениями, и тимар появился не без их влияния [75].

Очень вероятно, что Иван III, оказавшись под влиянием царицы Софьи, копировал методы завоевателя Константинополя Мехмеда II. Проявлением этого влияния, по-видимому, было и то, что великий князь «стал грозен» для своих бояр, и то, что дворцовые земли, как в Турции, выделяются из среды государственных, то, что греки заведуют княжеской Казной и, вероятно, учат дьяков проводить «дефтеры» [76]. Идея разработки первого Судебника, введенного в 1497 г., возможно, также навеяна деятельностью Мехмеда II, создателя знаменитого кодекса «Канун-наме». То же самое можно сказать и о попытке конфискации Иваном III церковных земель. Как известно, Мехмед II конфисковал часть вакфов. Наконец, введение государственных монополий на производство и продажу спиртных напитков, запрещение простым людям употреблять их во все дни, кроме праздников, очевидным образом говорит о влиянии тюркских традиций [77].

Конечно, вместе с турецкими порядками на Руси вводились и византийские — византийский церемониал при дворе, титул «самодержец» («автократор»), двуглавый византийский орел на гербе России. Этот аспект проблемы хорошо известен и не вызывает дискуссий.

Василий III продолжал политику своего отца и при завоевании Пскова, Смоленска, Рязани следовал методу, опробованному при овладении Новгородом, — массовые конфискации и переселения, а затем испомещение московских дворян [78]. При осаде Смоленска широко применялась артиллерия, но нужно сказать, что русские войска не сразу освоили турецкую тактику полевых сражений. В битве на реке Ведроша в 1500 г. русские применяли старую монгольскую тактику — это было конное сражение с использованием засад. Литовцы и поляки быстрее перенимали приемы турок; в 1514 г. они одержали победу под Оршей, заманив русскую конницу на укрепления, где стояли пушки [79]. Между тем Османская империя становилась все более могущественной, и ее рубежи придвигались все ближе. Еще в 1475 г. крымский хан признал себя вассалом турецкого султана; в 1521 г. хан Магмет-Гирей посадил своего ставленника в Казани, а затем совершил опустошительный набег на Москву. Между Москвой и Крымом началась длительная борьба за Казань, в которую постепенно втягивалась Турция; в походах крымского хана стали участвовать янычары [80].

Василий III был самовластным государем, недруги обвиняли его в том, что он отстранил от власти Боярскую Думу и решает дела «сам-третьей у постели» [81]. После смерти Василия III, в малолетство его сына Ивана IV, власть перешла к боярам, которые ссорились между собой из-за «мест» и кормлений. В 1547 г. 16-летний Иван IV был коронован «царем всея Руси», а через полгода в Москве разразилось большое восстание против бояр. В этой сложной и

опасной ситуации ближайшими советниками царя стали священник Сильвестр и рында (телохранитель) Алексей Адашев. В своих проповедях и посланиях Сильвестр призывал царя расстаться со своими прежними советниками, «богатыми» и «брюхатыми» вельможами, и ввести в своем государстве «правду» — справедливый суд, одинаковый для всех, малых и великих [82]. Следуя советам Сильвестра, молодой царь учредил Челобитенный приказ — ведомство, которое должно было принимать челобитные от народа. Царь и сам часто принимал челобитные. 8 сентября 1549 г. в церкви Рождества Богородицы он принял челобитную от Ивана Пересветова, русского дворянина из Литвы. Иван Пересветов был многоопытным воином, служившим Яну Запольяи и Петру Рарешу, вассалам султана Сулеймана Законодателя. Он, вероятно, хорошо знал турецкие порядки и советовал царю брать пример с Турции. Челобитная содержала «Сказание о Магмете-салтане», в котором рассказывалось, как Магмет-салтан «великую правду в царстве своем ввел» [83].

«В 6961* году турецкий царь Магмет-салтан повелел со всего царства все доходы себе в казну собирать, — повествует «Сказание», — а никого из вельмож своих ни в один город наместником не поставил, чтобы не прельстились они на маду и неправедно не судили, а наделал вельмож своих из казны царской, каждому по заслугам. И назначил он судей во все царство, а судебные пошлины повелел взимать себе в казну, чтоб судьи не искушались и неправедно бы не судили... А через некоторое время спустя проверил царь Магмет судей своих, как они судят, и доложил царю про их лихоимство, что они за взятки судят. Тогда царь обвинять их не стал, а только повелел с живых кожу ободрать... А кожи их велел выделать и ватой велел их набить, и написать повелел на кожах их: «Без таковой грозы невозможно в царстве правду ввести». Правда — богу сердечная радость, поэтому следует в царстве своем правду крепить. А ввести царю правду в царстве своем — это значит и любимого своего не пощадить, найдя его виновным. Невозможно царю без грозы править, как если бы конь под царем был без узды, так и царство без грозы».

«Великая правда» — по сути то, что турки называли «адалет», «справедливость» — идея, лежавшая в основании исламского учения о государстве. Султан выступал в «Сказании» как страж справедливости: он выдал судьям книги судебные, чтоб судили всех одинаково, он установил налоги и послал сборщиков. «А после сборщиков проверял, по приказу ли его царскому собирают». Воинов царь «наделал царским жалованием из казны своей, каждому по заслугам». «И запретил закабалить их и обращать в холопов, чтобы все служили добровольно». «Если у царя кто против недруга крепко стоит... будь он и незнатного рода, то он его возвысит и имя ему знатное даст...». «Еще мудро устроил царь турецкий: каждый день 40 тысяч янычар при себе держит, умелых стрельцов из пищалей, и жалование им дает и довольствие на каждый день...» [84].

Конечно, «Сказание» не вполне точно повествовало о событиях, произошедших после взятия Константинополя — у автора была иная цель, он предлагал проект преобразований и выстраивал события так, как хотел. Неизвестно, был

* 1453 год — год взятия Константинополя.

ли знаком Пересветов с советниками Ивана IV, но в его челобитной содержались те самые мысли, которые с буквальным совпадением высказывали Сильвестр и Адашев. Нужно сказать, что Адашев тоже бывал в Турции и знал о «великой правде». Петербургский исследователь Д.Н. Альшиц считает даже, что в действительности Пересветова не существовало, а «Сказание о Магмет-салтане» было написано Адашевым [85].

Как бы то ни было, Адашев и Сильвестр энергично взялись за выполнение программы Пересветова, то есть за переустройство России по образцу Османской империи. В 1550-х гг. началось постепенное упразднение наместничеств и кормлений, и «вельмож стали наделять из казны царской, каждому по заслугам». Судебные пошлины («корма») стали взимать в казну, а в городах и волостях были избраны новые судьи, земские и губные старосты. Им выдали книги судебные — новый Судебник, принятый в 1550 г. Этот Судебник запрещал закабалать в холопы служилых людей. Челобитный приказ стоял на страже «великой правды», и всякий мог подать жалобу на беззакония прямо царю. Дворянам на ежегодных смотрах стали выдавать дополнительное жалование из казны; был создан стрелецкий корпус — 3 тысячи «умелых стрельцов из пищалей», которых царь держал постоянно при себе. Появились и выдвиженцы из незнатных родов — к их числу принадлежал и сам Адашев, и многие окружавшие его дьяки [86].

Адашев и Сильвестр провели еще две реформы, выходящие за рамки проекта Пересветова. В 1550 г. были установлены единые нормы налогов для различных категорий земель, а в 1556 г. введены единые нормы службы — хозяева вотчин и поместий были обязаны выставлять одного всадника со 150 десятин земли [87]. Можно было бы ожидать, что эти законы окажутся характерными именно для России. Но, оказывается, и они повторяли соответствующие установления из «Канун-наме» Сулеймана Законодателя [88]. Очевидно, Адашев знал об Османской империи значительно больше, чем «воинник Иванец Пересветов».

Модернизация по образцу одной из самых могущественных держав того времени достигла своей цели: была создана мощная армия, многочисленная конница из дворян-«сипахи», корпус стрельцов-«янычар» и пушечный наряд, не уступавший турецкому артиллерийскому корпусу «топчу оджагы». Началось быстрое расширение пределов Русского государства. В 1552 г. была одержана большая победа: завоевана Казань; в 1556 г. русские войска достигли берегов Каспийского моря. Царь Иван IV находился в зените славы — так же, как Мехмед II после взятия Константинополя. Некоторые историки утверждают, что Иван IV подражал Мехмеду II [89]. В этой связи необходимо вспомнить, что сделал турецкий султан после завоевания Константинополя. Как отмечалось выше, Мехмед II воспользовался своей славой, чтобы разгромить знать и конфисковать ее владения. То же сделал и Иван Грозный. Конфискация владений знати была необходима для увеличения численности конницы — как в Турции, так и в России, конфискованные земли были сразу же розданы в тимары, поместья [90].

Для того, чтобы подавить сопротивление знати, Иван Грозный учредил опричнину. «Учреждение это всегда казалось очень странным, как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал», — писал В.О. Ключевский [91]. Московские летописи переводят устарелое слово «опричинна» как «особый двор», и позже, когда это слово было запрещено, опричнину именовали просто «двором» [92]. Опричник Штаден в своих записках утверждал, что царь учредил опричнину по совету своей жены Марии, дочери черкасского хана Темрюка, и ее брата Михаила Черкасского, ставшего одним из известных опричников [93]. Черкасы хорошо знали, что такое «двор» — двор османских султанов. Это было государство в государстве со своими землями, казной и маленькой армией, составленной из особых янычарских частей. Именно такой двор и создал Иван Грозный — вплоть до того, что скопировал некоторые внешние черты. Так же, как янычары, опричники ходили в одежде, похожей на монашескую, и их казармы в Александровском, как и казармы янычар, напоминали монастырь [94]. Засилье черкасов и татар в окружении Грозного возмущало русскую знать. Эти настроения проявились, когда однажды митрополит Филипп увидел опричника в церкви в мусульманской шапке, «тафье». Он не удержался и воскликнул: «Се ли подобает благочестивому царю агарьянский закон держати?» Митрополит и раньше позволял себе обличать царя, но на этот раз царь пришел в ярость и распорядился свести митрополита с престола [95].

Характерно, что при основании опричнины царь передал управление земщиной Земской Думе, распорядившись, чтобы ему докладывали только «ратные и земские великие дела». Такое разделение функций характерно и для Османской империи, где всеми текущими делами ведал диван [96]. Характерна также демонстративная позиция царя-«защитника справедливости», готового защищать «великую правду» с помощью жестоких расправ. Флетчер рассказывает, что когда один дьяк принял взятку в виде наштигованного деньгами гуся, царь приказал своим палачам разделать дьяка, «как разделявают гусей» [97]. Барберини писал, что царь приказывал сечь уличенных во взятках чиновников — и даже знатнейших из бояр, поэтому среди чиновников не было ни одного, которого ни разу бы не высекли [98].

Иностранные свидетели утверждали, что Грозный набирал своих опричников из людей «очень низкого происхождения». Это согласуется с тем, что в Турции дворцовая гвардия рекрутировалась из рабов-«капыкулу». Жестокие казни врагов вместе с детьми были неслыханным делом на Руси, но вполне обычным в Турции: «тезка» русского царя Селим I Грозный известен тем, что приказал отравить отца, братьев и задушить племянников; за восемь лет правления он казнил 7 своих визирей. Возможно, что Ивана IV стали называть Грозным по аналогии с султаном Селимом.

Таким образом, Иван IV подражал турецким султанам и устанавливал порядки, подобные порядкам султанского двора. Царь хорошо усвоил слова Магмет-султана из челобитной Ивана Пересветова: «Невозможно царю без грозы править, как если бы конь под царем был без узды, так и царство без грозы». Главное, что перенял Иван Грозный у Мехмеда II — это самодержавие, абсолютная власть монарха. Мы не будем останавливаться на вопросе, по-

лезно ли это было для России, — важно, что это определило ее историю на столетия вперед.

Как бы то ни было, основным результатом модернизации по турецкому образцу было создание мощной армии. В июле 1572 г. в битве при Молодях войска Ивана IV одержали решающую победу над крымской Ордой. Русские использовали турецкую тактику — они завлекли конную лаву татар на укрепления, за которыми стояли стрельцы с пушками [99]. Татары, которые шли покорять Русь, были отброшены, и страна сохранила независимость благодаря армии, созданной Адашевым и царем. Были и другие последствия модернизации. В 1580-х гг. в разных районах страны стали вводиться «заповедные годы» — временный запрет на крестьянский выход. В Турции было так же: сначала запрет выхода в отдельных провинциях, потом по всей стране, сначала на время — впоследствии навсегда. Это было административное прикрепление крестьян к месту жительства, чтобы они не стремились уйти от своего тягла. При этом повинности крестьян были указаны в переписных листах, и если помещик-«сипахи» брал больше, чем следовало, то крестьяне могли жаловаться в суд. В Турции время от времени султаны вспоминали о «великой правде» и издавали «указы справедливости», «адалет-наме» — поэтому турецкие крестьяне остались свободными людьми. В России было иначе, русские цари позавистничали «грозу», но быстро забыли о «великой правде» Магмет-салтана. Впрочем, это было позже, а в XVI в. порядки России живо напоминали порядки Османской империи. Об этом писали многие путешественники, но историки не относились серьезно к путевым впечатлениям, считая их поверхностными [100]. Однако один из английских послов, Джильс Флетчер, оставил после себя серьезный труд, который на Западе считали «энциклопедическим». Вот что пишет о России Джильс Флетчер: «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, пытаются подражать, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических...».

Таким образом, на Западе хорошо знали о восточной природе Русского государства...

Каковы же были результаты взаимодействия турецкого круга с традициями, сохранившимися на Руси от прошлых эпох. В процессе столкновения культур были утрачены многие норманские традиции: независимые боярские вотчины и дружины, самоуправление Новгорода и Пскова. Большая часть вотчин была уничтожена, а для тех, что остались, владение было обусловлено службой; боярская дума утратила прежнее значение. Исчезли удельные княжества, существенно сократилось многочисленное в прошлые эпохи черносошное крестьянство. С ликвидацией огромных боярских вотчин уменьшилась численность рабов-холопов.

Взаимодействие монгольских и турецких традиций привело к торжеству абсолютизма. Упрочилась налоговая система, стали систематическими переписи и кадастры. Появился новый многочисленный класс служилых землевладельцев — помещики-дворяне; крестьяне были прикреплены к земле и обязаны платить помещикам (пока фиксированные) оброки. Коренные изменения про-

изошли в военном деле — появилась артиллерия и регулярная пехота, собственно говоря, это и были основные элементы турецкого культурного круга.

Итак, диффузия сыграла немалую роль в формировании российского институционально-политического строя. Адаптация страной импортных социокультурных влияний способствовала укоренению в обществе «азиатского» компонента, который, по мнению многих западных исследователей, манифестировался главным образом в самодержавной и централистской форме управления. Последняя нередко приравнивается к восточным деспотиям или «гидравлическим» культурам Востока (терминология К.Виттфогеля). Р.Пайпс характеризует тип правления в царской и императорской России как «патримониальный» (система, в рамках которой политическая власть и частная собственность совпадают) [101]. Согласно данной концепции, со времен возникновения Московского царства и его победы над Золотой Ордой при Иване III, Василе III и Иване Грозном государство инкорпорировало все прочие социальные и экономические институты, в то время как в Западной Европе наблюдалась дивергенция политической и социально-экономической сфер. Именно институт частной собственности в Западной Европе сформировал базис для развития сильного противовеса государству, для эволюции структур гражданского общества. Но поскольку в России владение частной собственностью в значительной степени зависело от обладания ресурсами политической власти, а сам институт частной собственности не имел того легитимного статуса, как в Западной Европе, постольку не было создано благоприятных предпосылок для формирования западноевропейской разновидности противовеса государственной власти. Монолитная позиция государства интерпретируется как одна из важнейших причин необычного характера российской модернизации («революции сверху» — импульс модернизации задается сверху, правящей элитой, а не инициативой граждан, функционирующих в качестве независимых экономических и социальных акторов) [102].

Самодержавная форма правления настолько укоренилась в стране, что впоследствии на протяжении столетий подвергалась лишь незначительным изменениям. Для многих ученых царская автократия и тоталитарный режим советской России преемственно связаны. Так, по мнению Р.Бендикса, принцип управления в рамках самодержавной и тоталитарной моделей оставался почти нетронутым, несмотря на различные идеологические инструментровки: все социальные группы в равной степени были подчинены верховному правителю, царю или партии. В связи с этим структурное отличие России от стран Запада заключалось в том, что в ней модернизация и индустриализация осуществлялась в своеобразном контексте: авторитарном или тоталитарном. Подобный контекст, как считает Р.Бендикс, нельзя интерпретировать как рациональный, потому что политическая власть стояла над законом, и в итоге административное исполнение общественных постановлений не создавало условий для формирования стабильных ожиданий у социальных акторов. Между тем стабильность ожиданий считается важным аспектом экономической рационализации. В Западной Европе развивалась этика достижения, потому что люди усвоили, что существует четкая связь между упорным трудом и ожиданиями адекватных поступков со стороны работодателей и публичной администрации [103].

Обсуждение проблематики исторических диффузий имеет определенные социальные импликации. Для отечественной интеллигенции стало привычным воспринимать Россию как страну, лежащую между Европой и Азией, между двумя различными «цивилизациями». В 1995 г. бывший премьер-министр правительства Е. Гайдар заявлял: «Наиболее важная историческая дилемма для нас сегодня — это традиционная дихотомия между Востоком и Западом». Социальный философ А. С. Ахиезер определяет Россию как «промежуточную цивилизацию», которая, по его мнению, характеризуется расколом между западным и восточным, европейским и азиатским. Этот дисбаланс между европейским и азиатским измерениями общества, как считает А. Ахиезер, служит постоянным источником нестабильности и ориентационных колебаний на протяжении столетий. По мнению ряда исследователей, именно он является своеобразным трагическим *ritus motor* российской истории. Понятно, что то или иное видение исторического опыта, «помещение» России в то или иное историческое пространство («Запад», «Восток», «Промежуточная цивилизация», или вообще другая система координат) в значительной степени детерминируют выбор стратегий и инструментов развития и реструктуризации общества в условиях современных перемен.

Диффузионизм (в частности его разновидность — теория культурных кругов) позволяет объяснить некоторые аспекты исторического процесса — но, конечно, не весь процесс. Помимо внешних влияний («культурных кругов»), их взаимодействия и синтеза, существует и имманентная логика процессов, обусловленная действием эндогенных факторов, которая не рассматривается этой теорией [104]. Сами результаты диффузии находятся в существенной зависимости от того исторического контекста, к которому им приходится адаптироваться. Данный контекст в состоянии кардинально видоизменить инновации, поэтому, согласно концепции зависимости от пути развития, введение идентичных нормативных систем и практик в обществах с различными институциональными средами может вести к совершенно разным результатам. Тем не менее, анализ внешних сторон явлений вносит определенный вклад в изучение того многогранного мира, который называют историей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 100—101; Цит. по: Роуни Д. Методологические аспекты изучения истории России (Зависимость от пути развития и плановая политика в СССР) // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова 2—3 декабря 1996 г. М., 1997. С. 225.
2. Цалф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс, 1998. № 8. С. 21.
3. Black C. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 198—199.
4. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 141—145, 149—154, 163—169; Левин М. Г., Токарев С. А. Культурно-историческая школа на новом этапе // Советская этнография,

1953. № 4; Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Чеснов Я.В. Теория «культурных связей» в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976; Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Там же; Kroeber A.L. Diffusionism // Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by E.Etzioni-Halevi and A.Etzioni. New York: Basic Books, 1973. P. 140—144; Боас Ф. Эволюция или диффузия // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 343—347.
5. Elliot-Smith G. Culture. The Diffusion Controversy. London, 1928.
6. Альфред Крёбер определяет диффузию как процесс, «посредством которого распространяются элементы или системы культуры; посредством которого изобретение или новый институт, принятый в определенном месте, внедряется в соседних местах, до тех пор, пока не распространится по всему земному шару» (Kroeber A.L. Diffusionism... P.140).
7. Cemea M.M. (ed.). Putting People First: Sociological Variables in Rural Development. N.Y.: Oxford, 1985; Robertson T.S. Innovative Behavior and Communication. N.Y.: Holt, Rinehart @ Winston, 1971; Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Прогресс, 1991. С. 396—608.
8. Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 12—13, 80—82, 117—121; Lauer R.H. Perspectives of Social Change. Boston: Allyn @ Bacon, 1982.
9. Murdock G.P. Our Primitive Contemporaries. N.Y.: Macmillan, 1934. Cit. in: Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 118.
10. Linton R. The Study of Man: An Introduction. N.Y.: Appleton, 1936. P. 326—327. Cit. in: Vago S. Social Change... P. 118.
11. Необходимо признать, что концепт «диффузия» использовался некоторыми представителями модернизационной перспективы классического периода. Так, по мнению Люциана Пайя, модернизация предполагала диффузию так называемой «мировой культуры». Последняя интерпретировалась как «основанная на передовых технологиях и духе науки, на рациональном взгляде на жизнь, на секулярном подходе к социальным отношениям, на признании в политической сфере нации-государства в качестве главной политической единицы» (Pye L.W. Aspects of Political Development. Boston: Little, Brown, 1965. P. 8).
12. Vago S. Social Change... P. 134.
13. Westney D.E. Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
14. Cohen E. Thailand, Burma and Laos — An Outline of the Comparative Social Dynamics of Three Theravada Buddhist Societies in the Modern Era // Eisenstadt S.N. (ed.). Patterns of Modernity. N.Y.: New York University Press, 1987. Vol. II: Beyond the West.
15. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992; Idem. Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 1995. P. 216—218, 226—231.
16. Dube S.C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms. Tokyo, London, 1988. P. 6.
17. Херманн И. Славяне и скандинавы в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 94.
18. Скрынников Р.Г. История Российская IX—XVII вв. М., 1997. С. 36.
19. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 53.
20. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 47.

21. История Норвегии. М., 1980. С. 130.
22. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. I—V. М., 1937. Т. I. С. 282.
23. Там же. С. 164.
24. Там же. С. 165.
25. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 98.
26. Ключевский В.О. Курс русской истории... С. 290.
27. Там же. С. 282—283.
28. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 281; Ключевский В.О. Курс русской истории... С. 134; Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978. С. 143.
29. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 418.
30. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги... С. 243.
31. История Норвегии... С. 130, 132.
32. Ключевский В.О. Курс русской истории... С. 333—334.
33. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 22.
34. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., 1997. С. 118.
35. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I—X. М., 1988. Т. II. С. 144.
36. Равин Е.А. История военного искусства. М., 1994. Т. 2. С. 223.
37. Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 26, 48.
38. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 468.
39. Мункуев Н.Ц. Китайский источник... С. 38—41.
40. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 535—536.
41. Мункуев Н.Ц. Китайский источник... С. 58.
42. Соловьев С.М. Сочинения... С. 155.
43. Там же. С. 488.
44. Вернадский Г.В. Монголы и Русь... С. 221—226, 367.
45. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд. Моск. ун-та, 1994. С. 94; Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 38.
46. Вернадский Г.В. Монголы и Русь... С. 235.
47. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян... С. 292.
48. Флетчер Д. О государстве Русском... С. 67.
49. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд. Моск. ун-та, 1988. С. 117.
50. Соловьев С.М. Сочинения... Т. III. С. 336.
51. Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966. С. 74, 106; Гордлевский Вл. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 159.
52. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 37, 43, 65; Орешкова С.Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 12; Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990. С. 21; Фрейденберг М.М. Крестьянство в Балкано-Карпатских землях (Сербия, Хорватия, Болгария, Дунайские княжества) в XV—XVI вв. // История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986. 465; История Византии. Т. II. М., 1967. С. 247; Аграрный строй Османской империи в XV—XVII веках. Документы и материалы. М., 1968. С. 22.
53. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции... С. 43; Фрейденберг М.М. Крестьянство в Балкано-Карпатских землях... С. 463—465; Книга законов султана Селима. М., 1969. С. 44; Новичев А.Д. История Турции. T.I—IV. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1963. Т. I. С. 58.

54. Снасет-наме. Книга о правлении вавира XI столетия Низам ал-Мулка. М.; Л., 1949. С. 14, 16, 25, 41.
55. Записки янчара. М., 1978. С. 44, 112; Градева Р. О некоторых проблемах формирования османской системы управления // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 50.
56. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции... С. 52.
57. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. Ш. С. 347—348.
58. Кареев Н. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1909. С. 344.
59. Эбаражский К. О состоянии Османской империи и ее войска // Османская империя в первой четверти XVII века. М., 1984. 150—151.
60. Каменев Ю.А. К истории реформ в османской армии // Тюркологический сборник, 1978. М., 1984. С.140—142.
61. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции... С.51; Градева Р. О некоторых проблемах... С. 46, 49; Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 150; Салимянова Ф.А. Люфти-паша и его трактат «Асаф-наме» // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования, 1974. М., 1981. С. 103; Аграрный строй Османской империи... С. 22.
62. Пигулевская Н.В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1958. С. 256, 273, 276, 280.
63. История Индии в средние века. М., 1968. С. 382.
64. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие... С. 69, 89, 92.
65. Альтамира-и-Кривеа. История Испании. М., 1951. Т. I. С. 419, 440, 479; Т. II. С. 186; Дельбрюк Г. История военного искусства... Т. IV. С. 67.
66. Соловьев С.М. Сочинения... Т. III. С. 56.
67. Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 257.
68. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие... С. 69.
69. Соловьев С.М. Сочинения... С. 33, 144.
70. Вернадский Г.В. Россия в средние века. М., 1997. С. 126.
71. Ключевский В.О. Курс русской истории... Т. II. С. 237—238.
72. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 210.
73. Wittfogel E.A. Oriental Despotism. A comparative study of total power. New Haven, 1957. P. 224; Kowalewsky M. Institution politiques de la Russie. Paris, 1903.
74. Ключевский В.О. Курс русской истории... Т. II. С. 231.
75. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции... С. 43.
76. Зимин А.А. Россия на рубеже... С. 35, 247.
77. Соловьев С.М. Сочинения... С. 146, 336.
78. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 229—230.
79. Разин Е.А. История военного искусства... С. 322, 353.
80. Соловьев С.М. Сочинения... С. 257, 430.
81. Скрынников Р.Г. История Российская... С. 247.
82. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 67.
83. Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 312, 313, 331.
84. Пересветов И.С. Сказание о Магмете-салтане // Все народы едино суть. М., 1987. С. 629—641.
85. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 74.
86. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 346, 355, 398, 439.
87. Там же. С. 392, 438.

88. Аграрный строй Османской империи... С. 22.
89. Шевяков Н. К вопросу об опричнине Ивана IV // Вопросы истории, 1956. №9. С. 71—77.
90. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 319; Орешкова С.Ф. Государственная власть... С. 47.
91. Ключевский В.О. Боярская Дума древней Руси. М. 1882. С. 347.
92. Ключевский В.О. Курс русской истории... Т. II. С. 189, 190.
93. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного... С. 134.
94. Там же. С. 342—343.
95. Там же. С. 254.
96. Там же. С. 368.
97. Флетчер Д. О государстве Русском... С. 49.
98. Скрывцов Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I. Смоленск, 1996. С. 351.
99. Там же. Т. II. С. 173.
100. Карацуба И.В. Образ России как великой восточной державы в записках английских путешественников XVI—XIX веков // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. С. 45.
101. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
102. Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М., 1989.
103. Bendix R. Nation Building and Citizenship. N.Y.: Wiley, 1964.
104. В частности, исследователи, обсуждавшие проблему складывания в России предпосылок деспотической монархии восточного типа, указывали не только на внешние, но и на внутренние факторы. В.Б.Кобрин и А.Л.Юрганов, например, связывали формирование деспотизма с тенденциями доордынской эпохи: усиление политической роли младшей дружины, члены которой находились по отношению к князю в положении фактически подданных-министериалов, а не вассалов. По мнению историков, данный тип социальных отношений был лишь усилен во время ордынского ига. (Павлова-Скьявская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР, 1968. № 4; Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР, 1991. № 4; Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 86—89).

MODERNIZATION BEFORE MODERNIZATION: MEDIEVAL HISTORY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF DIFFUSION THEORY (On Highlights of the Problem)

The article defines the rank of diffusion theory in the process of modernization as well as interrelation and correlation between the diffusion theory and the modernization process. The medieval history of Russia is interpreted in the light of the diffusion theory, i.e. as resulted from successive transformations under the influences of the Norman and Mongol conquests, the XVI century «modernization» after the Ottoman pattern, etc.

V.V.Alexeyev, S.A.Nefyodov, I.V.Poberezhnikov